
М. В. САРУХАНОВ

ВЛАСТЬ. ДЕНЬГИ. ЗАКОН

1. Понятийные уточнения

Выяснение места и роли доктрины разделения властей в системе государственно-правовых инструментов демократии требует, по-видимому, предварительно остановиться на понятиях, используемых в обсуждении темы. Многие понятия недостаточно точно определены, а многие – определены весьма спорным образом. Само понятие демократии строго не определено и исторически изменчиво. Например, античная полисная демократия – далеко не самый лучший тип правления, с точки зрения крупнейших античных авторитетов Аристотеля («Никомахова этика», «Политика») и Платона («Государство») – подразумевала власть толпы, черни, городского плебса. Такой тип правления был неприемлемым постольку, поскольку плебс не способен принимать разумных, мудрых политических решений, направленных на благо полиса, то есть всех свободных граждан государства. Разум – удел немногих, мужей зрелых, благородных, многоопытных, не склонных к излишней доверчивости к молве, неподвластных темным и слепым страстям. Но, с другой стороны, во многом благодаря усилиям софистов и стоиков очень высоко ценилась способность рассуждать публично и убедительно, приводить веские аргументы и убеждать не авторитетом, а справедливостью речей. А это несомненный компонент демократии. Именно логика и искусство публичной дискуссии, где аргумент, доказательство, победа над оппонентом, мудрое и взвешенное решение были решающими факторами принятия государственных решений, требовали демократического политического устройства. При этом уже происходит отделение политической деятельности от принятия решений, власти автоматически больше не принадлежит монополия на истину, она должна истину изыскать, доказать и убедить всех граждан в справедливости выбранного решения. Поэтому самым плохим типом правления считалась тира-

ния, где произвол правителя был ничем не ограничен, в том числе и здравым смыслом и благородством. Или, в нашей терминологии, власть была соединена с приятием решений, их исполнением и не связана с обязательствами ни перед кем – ни «лучшими благородными мужами», ни требованиями рассудка и разума, ни совестью, ни народом.

Кроме того, демократия в античности не знала многоступенчатого механизма распределения ответственности и взаимного сдерживания друг друга разными инстанциями политического процесса. Власть народа поэтому часто ассоциировалась с хаосом, с полной неразберихой и эклектическим усреднением противоположных, часто исключаящих друг друга позиций. Главное, чего лишалось государство при демократической форме правления, – организованной упорядоченности дискуссии, правил политической рефлексии, механизмов выбора правильных решений. Поэтому демократия остро нуждалась в средствах организованного ведения государственных дел. И ни в коем случае нельзя напрямую связывать – и исторически, и логически – демократию и разделение властей. Правильнее было бы сказать, что они нуждаются друг в друге, но не представляют собой логически исходной основы современных политических систем. Разделение властей не тождественно демократии, и демократия – разделению властей. Разделение властей в современных, точнее говоря, в буржуазных, или гражданских (в данном случае это – синонимы), обществах – один из механизмов демократического процесса. Оно призвано создать условия для нормального функционирования гражданского общества, уже не тождественного политической сфере жизни. Гражданское общество – это совокупность как государственных, политических, правовых, так и партикулярных и общественных (в смысле *Gemeinschaft*, в противоположность *Gessellschaft*) отношений и связей. Приравнять их к жизни политической, государственной, как это было (да и было ли в чистом виде, тоже сомнительно) в античном полисе, уже невозможно. Поэтому верно и обратное суждение – разделение властей не исчерпывает механизмов демократического устройства, хотя и является необходимой составляющей частью. Само по себе разделение властей имеет отношение к сфере власт-

ных отношений и не охватывает собой всю совокупность общественных связей.

В методологическом плане важно подчеркнуть, что прямолинейные социологические или философско-исторические теоретические схемы напрямую непродуктивны в исследовании нашей темы. Прежде всего речь идет о классической субъектной точке зрения, в соответствии с которой за конкретными феноменами социальной жизни пытаются искать определенные социальные силы. Хотя некоторые авторы, в частности Л. М. Энтин¹, говорят, что речь не идет о том, чтобы разделить единую власть между различными социальными силами, так называемый реалистический подход в макросоциологии стоит на убеждении, что любое социальное действие осуществляется от имени социального субъекта.

Согласно классовой теории, государство есть аппарат подавления и эксплуатации, компонент так называемой идеологической надстройки, возвышающийся над экономическими отношениями, создаваемый и поддерживаемый правящими классами. С этой точки зрения, буржуазные демократии точно так же, как и другие типы досоциалистического общества, имеют одну социальную природу – они есть аппарат социального принуждения, орудие господства и в силу этого подлежат историческому отрицанию. В качестве одной из идеологических, государственных и конституционных идей разделение властей сыграло важнейшую роль в становлении *гражданского общества* – то есть такой категории, которая не используется в классовой теории. С точки зрения классовой теории гражданское общество – очередной идеологический трюк, примиряющий противоположные социальные силы и закрепляющий статус-кво власти капитала и буржуазной элиты. Однако здесь уместно напомнить крылатую фразу У. Черчилля: «Демократия – наверное, самое худшее политическое устройство на свете. Правда, лучше его ничего нет». Стабильность и динамизм, свобода и порядок – вот два ряда качеств, которые делают гражданское общество столь привлекательным и надежным. В отличие от стабильности авторитарных систем гражданское общество стремительно развивается, представляя тем самым развиваться и всем членам общества. В отличие

---

¹ Энтин Л. М. Разделение властей. М., 1995. С. 4.

от динамизма тоталитарных и авторитарных режимов, которые совершают «исторические скачки», часто не задумываясь о точке приземления, гражданское общество обеспечивает преемственность и последовательность изменений.

Доктрина разделения властей вовсе не может считаться теорией демократического устройства общества именно потому, что она предполагает существование гражданского общества как своих контекста и социальной материи. Разделение властей – лишь один из механизмов функционирования демократии, может быть, один из фундаментальных, но ни в коем случае не исчерпывающий. Это означает, что интересы гражданского общества стоят выше и защищаются основательнее и легальнее, нежели интересы отдельных социальных сил. Общегражданский интерес состоит как раз в том, чтобы выявить и сбалансировать интересы разных социальных субъектов, не подвергать те или иные социальные слои насилию, дискриминации или унижению. В гражданском обществе не только власти разделены, но оно само диверсифицировано в высшей степени дробно, включая в себя как государственные, так и негосударственные организации, движения и точки влияния. Дробление и различные комбинации пестрой социально-политической мозаики – вот основной признак гражданского общества, противопоставляющего тенденциям социального манипуляторства и дирижизма современного массового общества свои противоядия – местное самоуправление, активность общественных движений, свободу прессы, взыскательную обратную связь политиков с электоратом. И как предпосылку – развитое гражданское сознание, обязывающее всех членов общества защищать свои гражданские, личные, политические, общечеловеческие права.

2. Диверсификация властей – анализ терминологии

Терминологически нечетко различаются понятия, относящиеся к концепции разделения властей. Требуется разграничить: а) разделение функциональное, разделение по предмету ведения; б) по субъектам власти; в) разделение территориальное и, соответственно, административное.

Обычно, когда говорят о функциональном разделении, или о разделении по основным функциям, имеют в виду строгое разграничение сфер жизнедеятельности и институциональное закрепле-

ние за данной сферой четко определенного набора организаций. Так, если речь идет о правоприменении, или о судебной деятельности, то имеется в виду то, что суд вершат только судьи, работающие в судах, и они занимаются только этим и ничем иным. Если кто-то посягает на отправление правосудия, но не входит в данный социальный институт, он нарушает функциональное разделение, вторгается «на чужую территорию» и провоцирует конфликт. Или если речь идет о законотворчестве, этой деятельностью занимаются только те институты, за которыми конституционно закреплены такого рода полномочия. Если же министр, судья или военный чин начнут изобретать правовые нормы и навязывать их не на основе существующих формальных правовых процедур, а на основе имеющегося в его распоряжении властного ресурса, он также провоцирует конфликт. Правовая система обслуживает в таком случае систему институтов, разграничивающих сферы своих властных полномочий, не допуская конфликтов в области предметно-функционального разграничения субъектов власти. В этом случае нет конкуренции властей, а есть размежевание, они не пересекаются друг с другом, ибо имеют разные предметы деятельности, разные функции и разные институциональные структуры. Не может быть здесь и системы сдержек и противовесов, поскольку нет точек соприкосновения. Функции контроля в таком случае принадлежат либо высшим внешним институтам (прокуратура осуществляет надзор за правосудием, парламент – над исполнительной властью), либо самому обществу – в различных формах (выборы, запросы, пресса, профсоюзы, общественные движения, лидеры общественного мнения, выступления масс, забастовки и т. п.).

Итак, если размежевание властей имеет «в подлежащем» сферы жизнедеятельности, то разделение по субъекту власти имеет в подлежащем властные структуры. Это значит, что в основе системы разделения власти находятся основные политико-правовые институты, стремящиеся распространить сферу своей компетенции на «чужие территории», то есть на области жизни, частично регулируемые другими институтами. Так, Конгресс США обладает некоторыми судебными полномочиями, президентская исполнительная власть наделена правом издавать указы, по сути, не отличимые от законов, а суды дают интерпретации законов, связанные с каждым

конкретным затруднительным случаем (в прецедентном праве). То есть каждый из властных институтов посягает на территорию «соседа», и поэтому и сам вынужден бдительно следить и отбивать nepозволительные с точки зрения закона и практики властных отношений наскоки других ветвей власти. В этом случае как раз и возникает конкуренция, система сдержек и противовесов. Власти не разделены, а находятся в ситуации постоянного конфликта (как правило, конструктивного). Правовая система обслуживает в этом случае практику конфликтных отношений разных институтов власти, не давая никому из них взять верх и в то же время не допуская решительного поражения конкурирующих сторон. Скорее можно было бы назвать такую модель распределением власти, не предполагающую особой строгости в разграничении функций и организационных институциональных структур.

И, наконец, третий тип разделения властей – иерархический. Речь идет о разделении полномочий центральных и местных органов власти, которые и перекрываются, и не совпадают по объему, уровню нормативного регулирования, степени ответственности, отличаются типом решаемых задач, объемом функций, социальной базой, ресурсами и т. п. Местное самоуправление – еще один «кит» демократии. Власть не должна предрешать, как жить человеку в своем доме, на своей улице, в своем городе, местные сообщества должны быть защищены – в известной степени – от командования. Пропорции самоуправления, разграничение полномочий в вертикальном плане накладываются на два предыдущие типа разделения властей, и получаются довольно запутанные комбинации. Практически же существует разнорядная, например, даже в федеральном законодательстве РФ, уж не говоря о реальной системе органов и полномочий в вертикальном срезе разделения властей.

В данном контексте могло бы быть предложено корректное терминологическое различие. Родовым понятием для всех типов функционирования властных институтов может стать понятие **диверсификация** власти. Оно охватывает все три основных вида, о которых мы только что говорили. **Разграничение** – по функциям и предметам ведения, чтобы разные ветви власти не могли соперничать в отпpавлении одинаковых функций. Конкурирующая модель, **распределение** властей – с перекрытием функциональных и пред-

метных обязанностей, но с устойчивой институциональной организационной структурой, и **разделение** – территориальное, иерархически-соподчиненное, стало быть, статусное.

Распределение властей также частично имело место при социализме. Во-первых, трудно изолировать функционально и по предмету деятельности одну сферу жизни от другой. В конце концов, даже экономические, хозяйственные связи невообразимо сложны. Во-вторых, постоянно возникали конкурентные отношения между партийным и советским бюрократическим аппаратами, между партийными структурами и спецслужбами и, наконец, между разного рода кликами, земляками, кланами, тейпами и прочими источниками политического влияния. Не говоря уже о том, что далеко не все сферы жизни вообще подпадали под государственное или партийное управление, и возникали значительные теневые структуры, активно или пассивно противостоящие официальным властным структурам. Легальных процедур конкуренции ветвей власти не было, и поэтому политическая жизнь страны была в основном пространством политической интриги, а не конституционного процесса. Распределение власти между легально, институционально, конституционно, легитимно закрепленными, ресурсно обеспеченными структурами является необходимым условием именно демократического содержания политической системы. Еще раз подчеркнем, что сам по себе тот или иной тип диверсификации власти автоматически к демократии не ведет. Власть может быть распределена и разграничена и в тоталитарном обществе. А в демократическом обществе власть не может не быть диверсифицированной.

Остается терминологически проанализировать административно-территориальную диверсификацию, или разделение в строгом смысле слова.

Первое, что надо отметить, – претензии местных органов и ветвей власти на самостоятельность в сфере их особой, специфической компетенции. Определение того, что можно считать сферой специфической компетенции, не может быть дано априорно, без учета соотношения социально-политических сил, культурно-исторических традиций, богатства территории, типов поселений на ней и массы других конкретных обстоятельств.

С другой стороны, провинциальные территории всегда служили источником ресурсов для центральных властей, и отдавать «суверенитет сколько унесете» центральная власть может только в одном случае – слабости и неумения справиться с регионами. Но в принципе можно лишь указать, что может быть проведен единый «вертикальный» принцип, до самого низа – как наверху в центре, так и внизу на местах. То есть определенное сочетание разграничения и распределения властей, «смоделированное» для центральных органов власти, проецируется на плоскость территориального разграничения властных полномочий между «центром и периферией». Под периферией в данном случае понимается субъект местного самоуправления любого, кроме федерального, статуса. Но и в данном случае, как бы ни проводилась диверсификация власти, гарантий демократического устройства она не даст – без инфраструктуры обратной связи властных органов, с одной стороны, и «объекта» власти – с другой.

Часто местные власти даже препятствуют свободному выражению мнений, консолидации оппозиции, вообще всем и любым формам борьбы населения за разрешение наболевших вопросов. Местная власть в принципе может поддерживать стабильность своего существования двумя путями: либо удовлетворительно оправдывая свое назначение, либо купирюя все угрозы снизу угодничеством перед «верхами». Отсюда и все перекосы самоуправления.

Поэтому должны быть запущены механизмы обратной связи, или механизм оперативного взаимодействия власти и населения с обязательным условием законодательного соответствия с деревом правовых норм – от конституционных до местных. Этим механизмом служат суды и омбудсмены, на которых, помимо всего прочего, лежит бремя и ответственность воспитания гражданского самосознания.

Итак, консолидация в обществах гражданского, а можно сказать – и буржуазного, общества достигается за счет диверсификации власти. Это Запад, Европа, Америка. И наоборот, консолидация корпоративного и тоталитарного общества достигается за счет авторитаризма власти, ее неразделенного и неконтролируемого диктата. В тоталитарной системе всегда можно найти элементы диверсификации власти. Здесь можно констатировать существование разных типов системности разных обществ. И буржуазное, и тоталитарное общества *системны*, но если стабильность одних свя-

зана с изменчивостью, то стабильность других – с поддержанием «традиционных устоев», «порядка», изгнанием инноваций и проч. И самое главное отличие демократического общества от тоталитарного – существование гражданского общества.

3. Понятия науки и стереотипы массового политического сознания

Чтобы понять, насколько применима теория диверсификации властей к исследованию реальных жизненных феноменов, целесообразно поставить проблему соотношения традиционной концепции разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, с одной стороны, и столь же традиционно выделяемых «рычагов» управления – власти, денег и закона. Причем если первое различие принято в правовой науке, то второе принадлежит областям здравого смысла и политологии.

Законодательная	Исполнительная	Судебная
1. Правотворчество – цели и средства общества 2. Согласование законов как целей и средств 3. Контроль за исполнением	1. Осуществление целей 2. Управление ресурсами 3. Обоснование новых законов 4. Контроль за исполнением законов	1. Правоприменение 2. Контроль за исполнением законов 3. Защита граждан и институтов общества

В этой схеме закон главный, все идет от законов. Хотя в ней не учтены различные варианты диверсификации власти и, тем самым, не проведен четко какой-либо один принцип диверсификации. По своей идеологии, по пониманию задач и функций ветвей власти эта схема – правоведческая. Но в ней нет так называемого демократического механизма контроля граждан страны за всеми тремя ветвями власти. А это партии, пресса, профсоюзы и прочие общественные организации, в том числе международные – иными словами, все то, что включается в понятие гражданского общества.

Совершенно другую картину мы получим, если попытаемся упорядочить обыденные представления о соотношении денег, власти и закона.

Власть (военная, политическая, отчасти экономическая и полицейская)	Деньги (экономическая, социальная, криминальная и идеологическая сила принуждения)	Закон (нормы для тех, кто не в силах перешагнуть через нормы, то есть лишен власти, денег и влияния)
Удержание и расширение власти, средство принуждения, корысть «начальства» идеологические мифы: «интересы государства», национальная идея, «соборность» и проч.	Средство снискания власти, личной и социальной привилегированности, безопасности, подавления остальных, – средство принуждения, обеспечение привилегий и престижа	Публичная, но не обязательная обуза у власти и денег, средство контроля над «остальным» социумом, то есть то же принуждение, «закон что дышло», или использование законов властью для своих нужд

В этой схеме главное – принуждение. В обыденном сознании власть ассоциируется не с достижением блага народа, а с корыстным поведением власть имущих. При быстрой смене социальных укладов головокружительные карьеры «новых русских» складываются в зоне теневых отношений, не имеющих отношения к закону, морали, осознанию общих гражданских интересов. Здесь вообще не нужны контролирующие органы, поскольку винтовка рождает власть, власть рождает деньги, а деньги рождают поддержание «порядка», выгодного власти.

Итак, насколько совпадают описания реальных властных отношений с теорией разделения властей и здравым смыслом и какие можно отметить расхождения?

Первое. Мы видим, что эти схемы не изоморфны. В этом основная проблема. Все категории, упоминающиеся в табличках, имеют совершенно различное смысловое наполнение в теории и в обыденном сознании. Этот смысловой разрыв проявляется в практической жизни, так как обыденным сознанием обладают в той или иной степени все люди, даже специалисты юристы. Внешнее разграничение, распределение и разделение властей на самом деле может оборачиваться обманом, поддержанием всего лишь видимости благополучия. Например, существование прокуратуры – госу-

дарственного органа, контролирующего судебную деятельность, – нонсенс с точки зрения разграничения властей.

Второе. Власть не разделяется на ветви, а фигурирует «на равных» в сознании масс наряду с деньгами и законом. Характерны отделение власти от закона и подчиненная роль, которая отводится закону. Власть, таким образом, добывается своего независимо от того, опирается она на закон или действует вопреки ему.

Третье. Деньги, не будучи особым институтом общества, играют колоссальную роль во взаимоотношениях людей. Не являются институтом они потому, что институт – это сообщество людей, особым образом организованных для реализации какой-либо фундаментальной социальной функции. Не могут считаться институтом ни оружие, ни книги, ни лекарства – без сообщества людей они не составляют института. Это всего лишь средства деятельности, некие посредники в общественных связях *людей*. Но деньги – средство особое, недаром К. Маркс называл их превращенной формой и сознания, и общения людей. Они приобретают новые смыслы, особенно в периоды крутой ломки социальных устоев. Кажется, что деньги – единственная ценность в жизни человека: ведь рухнула могучая идеология, устрашающая и бесцеремонная система власти и принуждения, нет больше Политбюро, КГБ, парткомитетов... Что осталось? Только деньги, остальное так нестабильно. Поэтому роль денег часто переоценивается.

Однако деньги как ресурс влияния не обладают таким легитимным оправданием, как власть и закон. Фактически они «могут все», но это могущество ограничено теми ценностями, которые не имеют денежного эквивалента. А это практически все так называемые экзистенциальные ценности. Если деньги берутся обслуживать те области человеческой жизни, которые по определению (или по вероучению, не важно) не подлежат обмену, они разрушают мир экзистенции человека. Но из этого следовало бы, что деньги – какая-то антисоциальная субстанция, чуть ли не нелегитимная сила, действующая неправовыми методами. И впрямь, деньги многое решают на выборах, но принято считать, что в отправлении исполнительной власти (бюрократия), и уж тем более – судебной, деньги не являются решающим фактором. Является ли аппарат теории

права, и в частности теории разделения властей, адекватным средством описания, анализа и прогноза в этой предметной сфере?

Попытку разобраться в этом вопросе предприняли отечественные юристы, специалисты по финансовому праву Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин в книге «Деньги и власть»².

Авторы проанализировали действующее законодательство РФ (в первую очередь конституционные нормы) и пришли к выводу, что в российском законодательстве обозначилась и довольно четко стала вырисовываться новая ветвь власти, которую они называют «денежной властью». Констатация вполне определенная, хотя она и вызывает некоторые сомнения. На каком основании в законодательстве может быть легализована власть денег, если источником и права, и власти деньги в прямом смысле не являются? Не содержит ли в таком случае законодательство легитимизацию отнюдь не подлинной (в моральном смысле слова) ценности и может ли такое законодательство быть законодательством демократического государства?

Бесспорно то, что деньги и власть тесно связаны, однако, спрашивается, в каком – правовом или обыденном – мышлении эту связь можно считать непосредственной? «Денежная власть», продолжают авторы, сегодня представлена единственным органом, не зависимым от других ветвей власти, – Центральным банком Российской Федерации. В данном случае правомочен вывод – мы имеем дело с ведомственной обособленностью одного из центральных экономических ресурсов современной экономики – финансов. Если говорить в терминах диверсификации власти, то можно сформулировать этот вывод так – разграничение управления в экономике привело к обособлению Центрального банка страны как высшего и единственного регулятора этого сектора экономики. Но насколько он не зависим от других властей власти – надо еще посмотреть. Он вполне и полностью подчинен праву, то есть над ним существует правовой и, стало быть, судебный контроль. Он исполняет бюджет, который принимается законодательной властью. Он подчиняется распоряжениям кабинета министров. Его относительная независимость отнюдь не делает его автоматически ветвью власти. В таком случае мы могли бы аргументировать и обосновывать подобный

---

² Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и проблемы банковской системы. Ч. 1. 3-е изд. М.: Дело, 2000.

статус и для силовых государственных ведомств – армии, спецслужб, и для силовых негосударственных структур – местных элит, теневых структур, да и просто организованных криминальных сообществ. Является ли ветвью власти вообще государственный институт власти? Вряд ли, ведь тут все дело в конституционном статусе, а не в институциональной отделенности. Фактическое положение вещей – полная независимость денежного мешка от законов, исполнительной и судебной власти авторы выдают за теоретическую проблему. Но насколько серьезна и в каких пределах приемлема их аргументация?

Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин полагают, что доктрину разделения властей можно развивать за счет включения в триумвират властей новых компонент. Сам по себе этот тезис возражений – чисто логического свойства – не вызывает. Однако доктрина разделения властей – не только и не столько логическая конструкция, сколько исторически сложившаяся, исторически конкретная и исторически преходящая форма политического процесса, и в разных странах и в разных правовых пространствах определяется по-разному. Если кто-либо и будет возражать против увеличения ветвей власти, то не логик-теоретик, а политик–практик, хорошо знакомый с плюсами и минусами разных типов диверсификации власти. И даже если переводить разговор в плоскость логического анализа, надо прежде всего указать логические основания, критерии такой процедуры. В самом деле, почему не вывести в самостоятельную ветвь армию? Церковь? Спецслужбы и проч.? Где критерий, позволяющий такие теоретические эксперименты?

Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин поднимают в высшей степени важные вопросы регулирования денежного обращения в интересах общества в целом и в соответствии с либеральными ценностями свободы предпринимательства и частной собственности. Контроль над деньгами со стороны государственных, административных исполнительных властей – реальность переходного периода в нашей стране, и дальнейшая судьба законодательства о месте денег в системе рычагов управления будет зависеть от того, насколько эффективно будут взаимодействовать различные ветви власти в ее диверсификации.

В частности, думается, что речь должна идти не только об объеме компетенции Центрального банка и других финансовых учре-

ждений (Минфина, Совмина, администрации президента и т. п.), но и о подконтрольности их деятельности со стороны других независимых, но тесно связанных между собой ветвей власти.

Авторы резюмируют: «Объективное развитие государства как публично-правового феномена привело к выделению и обособлению из числа основных государственных функций (законодательной, исполнительной и судебной) не менее значимой государственной функции – «денежной функции», что на уровне федеральных органов государственной власти привело к включению осуществляющих ее органов в систему разделения властей государства.

Вот почему мы полагаем, что одним из важнейших направлений дальнейшего развития банковской системы и банковского законодательства России является законодательное отграничение «денежной власти» от других (традиционных) ветвей власти»³.

Но отделены ли денежное обращение, способы и формы его регулирования от других сфер жизни общества настолько, чтобы управление ими требовало специфического законодательства? Разумеется, любая сфера жизнедеятельности имеет свою специфику, и это находит свое отражение и в соответствующих нормативных системах, но насколько далеко простирается специфика как предметной сферы деятельности, так и нормативной базы, регулирующей отношения вовлеченных в нее субъектов? Особенно это относится к деньгам как всеобщему конвертируемому эквиваленту накопленного труда (или общественного богатства). Денежные обмены существуют во всех подсистемах производства, обмена, распределения и потребления, они пронизывают собой всю ткань материальной – да и духовной – жизни общества. При этом деньги вовсе не являются самой существенной ценностью в обществе, есть сферы жизни, где деньги решающего значения не имеют. Какие будут последствия, если власть денег будет признана легальной, отделенной от других сфер жизни, и диктовать людям те или иные жизненные решения? Вопрос по меньшей мере мало исследован.

Деньги служат также инструментом государственной политики, механизмом распределения общественных ресурсов и богатств. И исполнительная власть, и законодательная (утверждая и контроли-

---

³ Указ. соч. С. 13.

руя бюджеты страны) используют его как средство, а не как цель в своей деятельности. Даже судебная ветвь власти постоянно оперирует деньгами как объектом разбирательств, так и средством проведения судебных решений в жизнь. Можно ли отделить в таком случае нормативную базу использования денег от нормативной базы деятельности других ветвей власти? Как можно представить себе изоляцию нормативной базы денежного обращения от общегражданского, трудового, кооперативного, имущественного права? Приходится констатировать, что эти вопросы нуждаются в изучении.

И наконец вопрос об источнике обособленного денежного права. У денег есть, как известно, своя «мораль», часто не совпадающая с нравственностью и даже с уголовным законодательством. Признание за деньгами статуса ветви власти приведет просто к моральной капитуляции перед деньгами, к деградации жизненно важных сфер жизни, которые деньгами не регулируются. Власть денег – не что иное, как власть не самих по себе денежных знаков, а власть людей, обладающих деньгами. Если отделять эту власть от законодательной, судебной и исполнительной, власть денег будет ограничена только другими деньгами, то есть людьми, имеющими еще больше денег. Вряд ли кто-нибудь всерьез может рассчитывать вписать такую власть в систему демократического социально ориентированного государства. Хотя фактически тенденции именно таковы.

Точно такая же схема рассуждений господствует в массовом сознании и относительно власти как таковой (господство чьей-то воли над чьими-то волеизъявлениями), а также власти закона. Власть может не считаться ни с законом, ни с деньгами, ни с «народом», ни с «совестью». Она подчиняет себе все, на то она и власть. Судебные органы послушны властям точно так же, как послушны ей «деньги», то есть богачи, поскольку они-то прекрасно понимают, как многое зависит от благосклонности или неприязни власти. Полная безысходность обывателя в ситуации конфликта с властью может разрешаться либо попытками задобрить власть взяткой, либо полностью и безоговорочно подчиниться и постоянно напоминать о своем смирении. Понятно, что покончить с перекосом в диверсификации власти можно, только ограничивая полномочия ветвей власти, а не расширяя их, разграничивая сферы компетенции.